1 мая 1981 г., «ЛИТЕРА
ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ
МОСКВА

Навстречу VII съезду писателей СССР

Вс. СУРГАНОВ

ВОСХОЖДЕНИЕ К ИСТОКАМ

Новая книга о творчестве Михаила Шолохова

ЭТУ КНИГУ можно считать «юбилейной». Ибо между нею и первым из многочисленных трудов Виктора Гуры, посвященных шолоховскому творчеству, пролегло ровным счетом три десятилетия. И каждое было насыщено упорными изысканиями: работой в архивных хранилищах и библиотеках разных городов, поездками и хождениями по Донщине, буквально по каждой стежке, на которой могли оставить след шолоховские герои, беседами с теми казаками и казачками, кто так или иначе мог послужить писателю живым прототипом, либо помнил и знал кого-нибудь из них. И еще — год от года все более глубокое вчитывание в шолоховский текст, в каждую строку, включая и черновые. И, разумеется, встречи с самим Михаилом Александровичем...

И вот в год, когда автор «Тихого Дона» отметил свое семидесятипятилетие, появилась эта работа.

Она стала очень важным пополнением в ряду множества исследований, написанных о Шолохове и «Тихом Доне» на сегодняшний день. Среди них имеются основательные, фундаментальные труды. В. Гура превосходно с ними знаком, часто опирается на выводы и наблюдения Ю. Лукина, Л. Якименко, В. Щербины, И. Кравченко и других коллег-предшественников, а при случае и дискутирует с ними.

Одно из самых главных достоинств книги заключается в обстоятельности информации, посвященной молодым годам шолоховского жизненного и писательского становления. Здесь развернуто много интереснейших, часто неизвестных до этого фактов ранней биографии будущего художника, сведений о его семье, детстве, школьных годах, об участии в гражданской войне на Дону.

Не менее насыщены страницы, повествующие о приезде Шолохова в Москву, о боевой и азартной атмосфере литературных знакомств и споров, в которой вызревали рассказы «Родинка», «Пастух», «Жеребенок», «Алешкино сердце»... Их романтический и гуманистический настрой определялся необычностью и драматизмом ситуаций и характеров, рожденных революционной реальностью, утверждаясь как открытый вызов умозрительной красивости книжной романтики. Теперь мы понимаем, какие гигантские, еще не освоенные жизненные пласты скрывались за ними. Но тогда о том, вероятно, не догадывался до поры и сам молодой писатель.

Непростую цель — выявить его подступы к этим пластам — поставил перед собой в числе прочих задач В. Гура. Не первым из шолоховедов предпринял он подобную попытку. Но ему удалось найти, пожалуй, самый верный ключ, позволивший раскрыть искомые глубинные связи. Он принял в расчет стремительное, прямо-таки богатырское возрастание шолоховского мастерства, тот самый орлиный взлет, который так прозорливо предсказал А. Серафимович в своем предисловии к первому сборнику «Донских рассказов». А также вытекающий отсюда очевидный факт, что не прямую их соотнесенность с «Тихим Доном» следует отыскивать, но именно диалектику восхождения, и притом не только к «Тихому Дону», но и к «Поднятой целине».

«Детали, сверкнувшие в героях донских рассказов, сливались или разъединялись, всегда освещаясь идеей нового замысла, складывались новые характеры... — утверждает исследователь. — Это был не механический процесс буквального перенесения в роман уже подмеченных в рассказах жизненных ситуаций, поступков, взаимоотношений и столкновений героев. В рассказах накапливался, концентрировался тот жизненный материал, те запечатлевшиеся в художественной памяти детали, сюжетные положения и эпизоды, к которым заново обратился писатель в романе».

Ну и, конечно, уже здесь, в «Донских рассказах», обнаруживается в изначальных проявлениях блистательное языковое мастерство, развернувшееся в дальнейшем. Здесь «накапливался опыт раскрытия социального и индивидуального облика персонажа через его неповторимо своеобразную речь как важное средство лепки характера. Здесь впервые блеснуло и тонкое, чисто шолоховское чувство юмора, речевого комизма, ставшего одной из существенных особенностей писательского облика Шолохова», — справедливо пишет В. Гура, подтверждая свои слова многочисленными примерами.

Обстоятельно сопоставляя опыты раннего Шолохова со стилистическими поисками, характерными для всей советской прозы 20-х годов, он раскрывает органичность участия растущего мастера в противоречивом, но плодотворном процессе становления творческого метода советской литературы, столкновения формалистических крайностей и рецидивов декадентской поэтики с возрастающей устремленностью к реализму и демократизации стиля. В «Донских рассказах», где повествовательная речь молодого художника полна динамической энергии, Шолохов не однажды отдает дань элементам сказа, орнаментальности, инверсии, а также употреблению безглагольных оборотов. И крайне интересно, что по наблюдениям В. Гуры подобные же стилистические приемы можно встретить в первой книге и в некоторых главах второй книги «Тихого Дона», причем по преимуществу как раз в тех самых, которые в свою пору входили в первоначальный вариант романа, называвшийся «Донщина», и были написаны непосредственно вслед за рассказами.

Так намечаются сразу две очень важные линии исследования, предпринятого В. Гурой. С одной стороны, его занимает процесс возрастания мастерства: в третьей и четвертой книгах стилистические и языковые огрехи, имевшие место ранее, полностью исчезают. Более того — в каждом новом издании «Тихого Дона» писатель взыскательно и подчас даже беспощадно редактирует первые книги эпопеи, устраняя образы, на которых лежит печать красивости, вычурности, натурализма и злоупотребления диалектными речениями.

С другой же стороны, продвигаясь по следам этой «распашки» в обратном направлении, В. Гура чем далее, тем полнее устанавливает поразительное сходство словесной ткани, особую, только Шолохову присущую манеру письма, которая «роднит» «Тихий Дон» с «Донскими рассказами», даже при всей очевидной неравноценности этих произведений в отношении стилистического и языкового богатства.

Общий результат подобного проникновения в шолоховские тексты весьма значителен — оно во многих деталях показывает рост крупнейшего мастера советской и мировой литературы, зерна его грядущих творческих открытий, формирование повествовательной манеры, психологической прозорливости, первые находки в области портрета, пейзажа, речевых характеристик...

Большой интерес представляет исследование автором «Донщины». Над этим первоначальным незавершенным вариантом романа Шолохов работал с октября 1925 года. К сожалению, рукопись его была утеряна во время войны, а содержание и замысел известны лишь в самых общих чертах. Но многие страницы и даже целые главы, основательно доработанные, «заплавились» в «Тихий Дон». И, опираясь на скупые высказывания Шолохова, на то немаловажное обстоятельство, что в «Донщине» еще не мог появиться Григорий Мелехов (встреча писателя с его прототипом, хорунжим Харлампием Ермаковым, произошла лишь в 1926 году), В. Гура пытается «реставрировать» фрагменты «Донщины» в тексте эпопеи. Разумеется, более всего помогает ему уже установленное стилистическое ее «родство» с «Донскими рассказами». И он приходит к выводу, что из двадцати одной главы, составляющих четвертую часть «Тихого Дона» (вторая книга), по меньшей мере одиннадцать, с десятой по двадцатую включительно, близки к «Донщине».

Установление этого факта важно для В. Гуры еще и тем, что позволяет проследить переход типичного для прозы 20-х годов романа-хроники, каковым изначально и была «Донщина», в новое, высшее качество. Молодой писатель ищет пути к эпическому освоению воссоздаваемой действительности. Именно рождение эпопеи показывает В. Гура, наблюдая, как ширятся масштабы и содержание замысла, как появляется исполненное многозначительной символики новое название книги, как умело использует и развивает Шолохов принципы и традиции социально-бытового романа, приходя в конце концов к тому единственному, счастливому решению-открытию, которое явило миру «Тихий Дон».

«Образ народа как решающей исторической силы и образ личности, несущей в себе сложные противоречия своего времени, создают в единстве ту емкую художественную концепцию революционной эпохи, которая разворачивается в шолоховской эпопее».

Дальнейшее развитие этой концепции рассматривается в связи с «Поднятой целиной». Уже не один исследователь шолоховского творчества, в частности Л. Якименко, обращал внимание на неслучайность того обстоятельства, что рождение замысла этого романа и начало работы над ним (1930—1931 годы) совпадают с самым напряженным периодом завершения третьей книги «Тихого Дона». Отсюда очевидность «переклички», и более того — В. Гура прямо и, думается, совершенно правильно говорит о **единстве** этих ключевых шолоховских произведений, определяемом идейно-философской и гражданской позицией писателя, цельностью присущего ему видения народной жизни, неизменной близостью к ней. Активное участие Шолохова в перестройке деревни, в судьбах его героев на новом крутом повороте истории обогащало оба романа...

Станицы, хутора, шляхи, донские излучины и балки, столь зримо и живописно изображенные в эпопее, далеко не всегда «списаны с натуры». Особенно это относится к хутору Татарскому, где живут все главные герои «Тихого Дона» и происходит столько решающих событий. Исследователь, объезжая и обходя донскую округу, заинтересованно сопоставляет увиденное с прочитанным, раскрывая разнообразнейшие приемы шолоховского художественного обобщения. Снова вглядывается в трагическую фигуру Григория, включается в споры, связанные с ним, беседует с дочерью Харлампия Ермакова, пытаясь восстановить подробности его трудной судьбы и черты характера. Привлекает его и фольклорно-песенная, а также бытовая народная стихия, пронизывающая «Тихий Дон» и сообщающая неповторимую поэтическую глубину духовному облику и переживаниям героев. Те же песенность, народная мудрость, речевой строй открываются ему в образе автора-повествователя, в природе и звучании лирико-философских отступлений в «Тихом Доне». Основательно рассматривает он структуру и своеобразие его историко-документального фундамента...

Все это вместе взятое составляет картину, впечатляющую научной основательностью и богатством содержания. Кроме того, книга В. Гуры написана с подлинным увлечением, которое не может не захватить каждого, кто склонится к ее страницам. И потому ее с благодарностью и пользой прочитает и неискушенный читатель, и самый квалифицированный литературовед, всякий, кому близко и дорого творчество Шолохова и судьбы нашей литературы.

Книжная графика

Из иллюстраций художника Ю. РЕБРОВА к роману М. Шолохова «Тихий Дон». Издательство «Советская Россия».

В. Гура. «Как создавался «Тихий Дон». Издательство «Советский писатель», 1980. 440 стр. 1 руб. 40 коп.